ПРАВДА
г. Москва
15 ФЕВ 1957

Великий Глинка

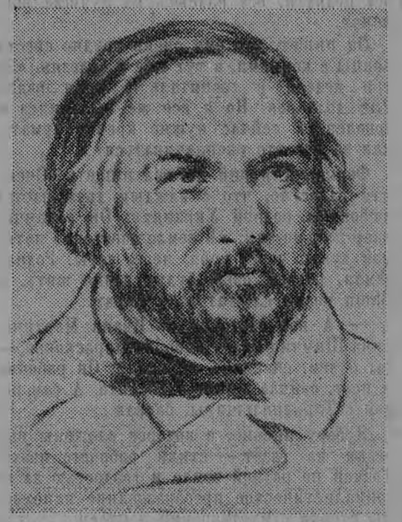
К 100-летию со дня смерти композитора

Сто лет прошло со времени кончины великого русского композитора Михаила Ивановича Глинки, а вдохновенные создания его живут и доставляют нам, далеким его потомкам, высокие художественные радости. Ничто в музыке Глинки не померкло, ничто не потеряло первозданной силы, и порой кажется, что творил композитор не в далекие времена жестокого века, когда он жил, а в наши дни.

Его гениальные способности, его необыкновенная пытливость, глубокий ум и сознание ответственности перед родным народом сделали то, что он вписал новую яркую страницу в историю музыкальной культуры, и на этой странице большими буквами написано: русская музыка. Он стал родоначальником того направления, которое в творчестве последующих поколений дало мировому искусству целую плеяду гениальных русских музыкантов, смелых и могучих. В их числе мы находим такие блестящие имена, как Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков, Бородин, Балакирев, Рахманинов. Они продолжили и утвердили дело Глинки, и мы без ложной скромности можем сказать, что процесс становления русской музыкальной культуры занял по времени значительно меньший период, чем аналогичные процессы у других народов.

Михаил Глинка родился в селе Новоспасском, Смоленской губернии, в 1804 году в помещичьей семье. Его музыкальные способности обнаружились в раннем детстве. Исключительная память будущего композитора помогла ему сохранить до седых волос те впечатления, которые он в детстве получил от общения с русской природой и русскими людьми. Он жадно впитывал в себя интонации русской речи и русской песни, такой напевной, раздольной и вместе с тем такой печальной, хватающей, как у нас говорят, за душу. Глубокое постижение народного характера помогло композитору в его капитальных трудах, когда он, не цитируя народных песен, а постигнув их душу и строй, говорит языком народа.

В 1817 году семья Глинок переехала в Петербург, и тринадцатилетний Миша был определен в Благородный пансион. Воспитателем его был Кюхельбекер, друг Пушкина, участник восстания на Сенатской площади в 1825 году, сосланный Николаем I в Сибирь и там кончивший свои дни. Пребывание будущего композитора в Благородном пансионе не прекратило его забот по совершенствованию в музыкальном искусстве, и Глинка продолжает занятия на фортепьяно и скрипке, одновременно начиная учиться пению. В оставленных композитором «Записках» он пишет, что его любимым предметом были языки латинский, французский, немецкий, английский и персидский. Если прибавить к этому, что перед поездкой в Италию он изучил итальянский язык, а перед посещением Испании — испанский, то нельзя не поразиться серьезному отношению Глинки к расширению своих знаний, чтобы стать в один ряд с передовыми людьми своего времени. Среди его друзей мы видим такие имена, как Пушкин, Гоголь, Жуковский, Вяземский, Брюллов.



Начав с мелких форм в композиции — романсов, пьес для различных инструментов, где композитор настойчиво вырабатывал свой стиль, в котором на первом плане стояла мелодия, Глинка к тридцатым годам становится известным в кругу не только присяжных знатоков, но и широкой публики. И здесь мы подходим к главному делу композитора, великим его созданиям — операм «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». «Иван Сусанин» появился в 1836 году и положил блистательное начало тому русскому течению в мировом оперном искусстве, которое было продолжено и закреплено композитором во второй его опере — «Руслан и Людмила».

В «Иване Сусанине» с поразительной силой показан подвиг рядового русского крестьянина, который в борьбе с интервентами жертвует своей жизнью ради освобождения родного народа. Немало на протяжении своей жизни знала Россия таких героев. Знала она их и в эпоху нашествия Наполеона, знала и в борьбе, которую Советская страна вела во время недавней войны с гитлеровскими полчищами. И потому так естественна и понятна взволнованность слушателя этой оперы. Великая патриотическая идея, лежащая в ее основе, облечена в предельно национальную форму. На протяжении всего произведения в нем властвует мелодия. Щедрой рукой композитора дано столько великолепных арий, ансамблей и хоров! Оркестровые краски здесь так естественны и в то же время так новы и своеобразны.

«Иван Сусанин» был восторженно принят друзьями композитора и широкой публикой, но довольно холодно — великосветскими кругами. В этом есть своя закономерность. И русский сюжет оперы, и русская музыка были чужды аристократическому обществу, воспитанному на преклонении перед западными авторитетами, не всегда высокими. Оно и не приняло великого создания национального гения. Тем более заслуживает внимания отзыв французского критика Анри Мериме, который писал об «Иване Сусанине»: «По сюжету и по музыке это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне; в этой опере так хорошо выражены ненависть и любовь, слезы и радости, долгие ночи и светлые зори... Это больше, чем опера, это национальная эпопея... Хотя я иностранец, ни разу я не присутствовал на этом спектакле без глубокого, захватывающего чувства».

Между окончанием «Ивана Сусанина» и временем, когда Глинка приступил к работе над «Русланом и Людмилой» — этим совершеннейшим своим созданием, — композитор был занят сочинением романсов и фортепьянных пьес. И в области романсов Глинка оставил немеркнущие создания, полные очарования, сердечности и теплоты, положившие начало тому своеобразному направлению в этом жанре, которое продолжили и развили Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков, Мусоргский, Рахманинов. Кто не знает таких шедевров Глинки, как его романсы «Я помню чудное мгновенье», «Не искушай меня без нужды», «Сомнение», цикл из двенадцати романсов «Прощание с Петербургом», как баллада «Ночной смотр», в которых отражена целая гамма человеческих чувств и переживаний!

Опера «Руслан и Людмила» не случайно названа мною совершеннейшим созданием русского гения: в ней счастливо соединились великий талант композитора, его отточенное мастерство, горячее сердце и глубокий ум, граничивший с мудростью. Пушкин заинтересовался замыслом композитора и собирался написать либретто для оперы «Руслан и Людмила». Смерть не дала ему осуществить это намерение.

Глинка на основе прелестной, шаловливой поэмы юного Пушкина, переосмыслив и углубив ее содержание и отказавшись от иронии, свойственной лицейскому периоду великого поэта, создал широкое полотно древней Киевской Руси. Все персонажи из сказочных в поэме стали в опере реальными, а вся опера — русским эпосом.

В этом великом создании русского гения столько красот, столько нового и смелого, что при первом знакомстве с оперой она подавляет. Однако каждое повторное слушание ее все сильнее и сильнее привязывает вас к ней, и вы в конце концов оказываетесь в плену этого музыкального чуда, где вдохновенные мелодии соперничают с гармоническим нарядом, а то и другое — с оркестровыми красками. И что же? Это создание Глинки постигла та же участь, что и «Ивана Сусанина». И оно пришлось не ко двору у высшего общества. Но нашлись и смелые защитники Глинки. Среди них были такие умные, чуткие и дальновидные люди, как В. Одоевский и О. Сенковский. Вот что писал последний: «М. И. Глинка поставил себя этою оперою в ряду первых композиторов всего мира и рядом с первейшими из них. «Руслан и Людмила» — одно из тех высоких музыкальных творений, которые никогда не погибают и на которые может указывать с гордостью искусство великого народа».

В сфере симфонической музыки Глинка оставил такое немеркнущее создание, как «Камаринская», в основу которой легли протяжные и плясовые русские народные песни. Именно об этом произведении великий Чайковский выразился в форме краткого афоризма: «В Камаринской Глинки, как весь дуб в жолуде, заключена вся русская симфоническая школа». Этими немногими словами Чайковский многое сказал о той исключительной роли, которую творчество Глинки сыграло в становлении и развитии русской музыкальной культуры.

Плодом поездки Глинки в Испанию явились его знаменитые симфонические пьесы: блестящее каприччио на тему Арагонской хоты и «Воспоминание о летней ночи в Мадриде». Удивительно, как необыкновенно тонко схвачен композитором народный испанский характер! Впрочем, нет, не удивительно. Эта черта постижения русским человеком духа и характера культур других народов — драгоценная наша черта. Вспомним Пушкина с его «Каменным гостем», «Моцартом и Сальери» или Римского-Корсакова с его «Испанским каприччио», «Шехеразадой», наконец, Бородина и его изумительные Половецкие пляски из «Князя Игоря». И в наше время мы являемся свидетелями появления таких выдающихся произведений, как, например, балет «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева.

Большое значение для изучения биографии Глинки имеют его «Записки» и письма. «Записки», начатые и законченные им за три года до кончины, являются как бы итогом всего пережитого, передуманного и перечувствованного великим человеком. Исключительная память композитора сохранила не только главные вехи его жизненного творческого пути, но и многие ценные подробности. Язык «Записок» поражает образностью и своеобразием, а многие мысли звучат, как афоризмы. И письма Глинки, и его «Записки» дают богатейший материал для изучения музыкальной — скажу шире — культурной жизни России и Западной Европы первой половины XIX столетия. В характеристиках многих своих современников Глинка не следует установившимся мнениям.

Так, вопреки восторженному поклонению современников музыке Мейербера Глинка оценивал ее более спокойно, и время показало, что правда на его стороне. В игре Листа наряду с великими достоинствами Глинка находил и недостатки.

Мастерство великого русского композитора остается и в наше время классическим образцом, достойным самого пристального изучения. И поразительно, что, слушая вдохновенные создания нашего национального гения, вы настолько во власти обаяния его музыки, что вам недосуг думать о технике сочинения. И только спохватившись, вы вдруг начинаете постигать, сколько труда, расчета и ума, сколько огромного таланта положено композитором на создание его шедевров.

Круг музыкальных знакомств Глинки очень обширен. Он включает таких великих представителей зарубежного музыкального мира, как Лист, Берлиоз, Беллини, Доницетти, Мейербер. Все они высоко ценили творчество нашего земляка, а Берлиоз явился первым пропагандистом творчества Глинки в Париже. Глубокий ум, больше того, мудрость Глинки способствовали тому, что он не ощупью, а вполне сознательно и уверенно шел по пути создания национальной школы. Глубоко изучив европейские музыкальные культуры Германии, Италии, Испании, он, однако, остался верен родному народу и своим творчеством его возвеличил. Признание Глинки, начавшееся еще при его жизни, росло и ширилось. И в наше время, когда Великая Октябрьская революция приобщила к культуре широкие народные массы, это признание стало всенародным.

Столетие со дня смерти М. И. Глинки широко отмечается в нашей стране, а по постановлению Всемирного Совета Мира чествование памяти великого композитора состоится и во многих зарубежных странах.

Как Пушкин в поэзии, так и Глинка в музыке стали первой любовью нашего народа, и мы вправе сказать словами поэта: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..».

Ю. ШАПОРИН.
Народный артист СССР.